

ГЛАСЫ 1

Я категорически не любила свое имя. Каждый раз при знакомстве я внутренне напрягалась, прежде чем произнести его. Чуть проще было, когда дело касалось чего-то формального, например, когда требовалось назвать себя в больнице или в банке. Имя всегда было источником дискомфорта, проблемной зоной, комплексом. А зовут меня Фаина. Кто-то скажет, что ничего в этом необычного нет. Имя как имя. Редкое, да, но не экзотическое. Однако на практике совсем не так. Каждый раз, когда я представляюсь человеку при знакомстве, в девяносто пяти процентах случаев происходит одно и то же: у нового знакомого поднимаются брови (мол, «*м-м-м, Фаи-и-ина*»), далее следует легкая улыбка (мол, «надо же, какая неожиданность»), а затем — список типичных фраз по типу «какое редкое для наших дней имя». Люди постарше всегда интересуются: «Вас называли в честь Раневской?» И самое нелюбимое: «А если коротко, то как?» Никак, хочется ответить в такие минуты. Потому что хуже, чем Фаина, может быть только Фая. И да, я одна из тех, кто строго-настрого запрещает называть меня сокращенным именем. И родственники, и однокласс-

ники, и учителя в школе знали, что я — Фаина, и точка. Я, конечно, не кидалась с кулаками на человека, посмеявшегося назвать меня укороченной версией ненавистного имени, но в душе начинала его не любить или даже ненавидеть, если это повторялось. Хотите стать моим злейшим врагом, произнесите имя Фая трижды.

Я завидовала Катям, Машам, Олям за то, что их имена такие распространенные. Когда они знакомились, ни у кого лицо не менялось, информация об имени поступала человеку, не вызывая никакой реакции. Как же это удобно, как это прекрасно! Как здорово произнести имя, а человек и глазом не моргнет. Конечно, не всегда люди пускались в разговоры со мной, услышав мое имя, но реакция на него была всегда: пусть мимолетная, пусть короткий миг изумления, но он присутствовал.

Автор моего имени — папа. Я не была названа в честь его бабушки (тогда бы Фаину в свидетельстве о рождении еще как-то можно было оправдать), в честь его первой любви, имя которой он решил вот так изощренно увековечить, и даже в честь Раневской — я уверена, папа до сих пор не знает, кто это такая. Меня назвали в честь отеля. После армии отец работал дальнобойщиком и в начале девяностых часто ездил по стране. Но однажды его занесло в Польшу, и там, на границе с Беларусью, была гостиница, в которой он ночевал всего одну ночь. И отель, в котором он остановился, назывался «Фаина».

— И тогда-то я понял, как назову дочурку!

Это был конец истории происхождения моего имени, который отец рассказывал на всех семейных застольях. Я в эти минуты смотрела на маму: думала, вдруг она в какой-то момент скажет, что она на самом деле не хотела меня так называть, что долго сопротивлялась, что вообще-то мечтала, чтобы я была Светой или хотя бы Аллой. Но она радостно кивала параллельно с рассказом отца, тем самым подтверждая, что имя было выбрано родителями единогласно. Споров не возникло. Я на каждом своем дне рождения не сводила с нее глаз в надежде, что она прочитает в моем взгляде боль и отчаяние, которые доставляет это имя. Но мама в ответ только улыбалась, наклонив голову, как все любящие мамы, которые смотрят на своих детей.

— Фаюш, — говорила она, — ну ты чего такая задумчивая, случилось что?

Конечно, мама. Ты только что назвала меня Фаюшей, а в остальном все прекрасно.

— Не Фаюша, — перебивал ее отец, — Фаина! Именно так назывался тот отель.

И только из-за любви к отцу я все еще не поменяла имя. В переходном возрасте, когда я, как и все подростки, летала на эмоциональных качелях туда-сюда, я думала сменить ненавистное имя. Но, во-первых, никак не могла определиться, кем хочу быть, если не Фаиной, а во-вторых, я так любила отца, что боялась его ранить в самое сердце своим решением переименоваться. И мое имя, и его происхождение были его любимой историей, и вдруг я бы это обесценила. Отец, у кото-

рого в жизни, кроме той поездки в Польшу, больше ничего выдающегося не случилось, такого бы не пережил. Вот я и остаюсь Фаиной уже тридцать два года. И, кстати, все это время выбираю альтернативное имя. Может, в старости, когда моего отца не станет, я все же поменяю документы и стану Наташей, Анастасией или Еленой.

— Девушка, так как, говорите, вас зовут?

Я стояла в подъезде около каморки консьержки. Пожилая женщина, грузная, неухоженная, со сморщенным лицом, сползающим под горловину водолазки, посмотрела на меня сурово.

— Меня зовут Фаина, — представилась я.

Консьержка поджала губы и хмыкнула. Типичная реакция на имя.

— Значит, вы теперь жилища семьдесят пятой квартиры... — Женщина стала писать в тетрадке мое имя. — Ну, а фамилия ваша какая?

— Пегова.

— Пе-го-ва... — Написала в тетрадке консьержка. — Стало быть, не Раневская, — пробубнила она.

— Ну, в общем, приятно с вами познакомиться, я Жанна, — представилась она, хотя мне послышалась Жаба. — Ежемесячно вам надо будет сдавать мне или Верке... Верка — это моя сменщица, — пояснила она, — семьсот пятьдесят рублей. Это за нашу работу. Платить надо первого числа каждого месяца. Вам, как вновь въехавшей, предлагаю сейчас не платить. А вот через неделю, когда наступит первое апреля, ждем вас с конвертиком.

В глубине каморки консержки послышался звук закипания воды, а затем щелчок, сообщивший мне, что разговор окончен и Жанне надо пить чай или кофе. Она медленно встала.

— Доброе утро, Жанночка, — раздалось за моей спиной.

Я оглянулась, у лифта стояли две пенсионерки очень своеобразного вида. Та, что пониже и помладше, была в ярко-зеленом плаще и каком-то странном головном уборе нечто среднее между шляпой и шапкой, только грубой конструкции, словно сделано это было из папье-маше. Та, что повыше и постарше, выглядела совсем странно. Поверх грязного, измазанного чем-то липким длинного пуховика, на ней была каракулевая жилетка, на голове обычная вязаная шапка, но сбоку — большая, переливающаяся всеми цветами брошь. Пахло от женщин неприятно.

— Доброе утро, девочки, — поздоровалась Жанна, но продолжать разговор не стала. Вместо этого, не поднимая ног, громко шаркая тапками о пол, ушла в глубину каморки.

Двери лифта открылись, пенсионерки вошли внутрь, я зашла за ними следом. Лифт был большой, грузовой, мы стояли по разные стороны. Я нажала на цифру пятнадцать. Пенсионерки вжались в стену и смотрели на меня испуганно.

— Вам на какой этаж? — поинтересовалась я. Мой палец завис над кнопками, ожидая их ответа.

— Десятый, — громко сказала дама в шапке с брошью.

— Не разговаривай с ней, — одернула ее дама в шляпе из папье-маше. — Не видишь, она странная.

Я смотрела на женщин с удивлением. Они вели себя так, словно меня тут нет.

— Это, получается, новая жиличка квартиры номер семьдесят пять? — полушепотом поинтересовалась дама с брошью.

— Получается, так, — ответила вторая пенсионерка, бросив на меня короткий взгляд. — Захватчица, — это слово она произнесла шепотом.

Лифт медленно, со скрипом поднимался вверх, и я мечтала о том, чтобы он наконец-то дополз до десятого этажа и странные женщины вышли, оставив меня одну.

Кабина лифта наполнилась неприятным запахом чего-то гнилого и органического. Я покосилась на ту, что с брошью на голове. Измазанный пуховик подсказывал мне, что запах исходит от нее. Она поймала мой взгляд и вдруг спросила:

— Вы любите кошек?

— Не говори с ней, ты что! — Дама в зеленом дернула подругу за рукав.

Кошек я не любила, но почему-то подумала, что если сейчас скажу об этом, то навсегда испорчу отношения с этими женщинами, кем бы они ни были.

— Люблю... А вы?

— А мы... — заулыбалась спросившая, но договорить не успела: лифт остановился на десятом этаже, и двери открылись.

— Уходим, уходим, уходим, — затараторила дама в шляпе из папье-маше. — Сестра, не медли...

Значит, они сестры. Я бросила на них быстрый взгляд: они и правда были похожи, у обеих длинные носы и густые брови.

— Хорошего дня, — бросила я им вслед.

— И вам, и вам, — пробубнили дамы.

Та, что в вонючем пуховике, все же обернулась, и по радостному выражению лица я поняла, что ей не терпелось сообщить, нравятся ли ей кошки, хотя и без этого уже поняла, что нравятся.

— Еще увидимся, — сообщила она.

Двери закрылись, и лифт поехал на мой этаж. Запах от пассажирок был таким едким, что меня начало подташнивать.

Я вошла в квартиру и облегченно выдохнула. Мое новое жилище было, мягко говоря, своеобразным. Это была двухкомнатная квартира не больше пятидесяти квадратных метров, после перепланировки, в доме тысяча девятьсот семидесятых годов, но внутри она выглядела как картинная галерея, римские термы и спальня Людовика XIV одновременно. До недавних пор эта квартира принадлежала моему дальнему родственнику, о существовании которого я всегда знала, но при этом никогда его не видела. Виталий Семенович был родным братом мамино папы. Он в свое время единственный из всей семьи Козловых (это девичья фамилия матери), кто не пошел по пути рабочего, в отличие от братьев и сестер, а поступил во ВГИК, мечтая стать актером. Но оказалось, что актером Виталий был посредственным, и пусть институт он все же окончил, но ни одной

роли в кино или в театре так и не сыграл. Зато удачно устроился в министерство культуры: сначала был мелким чиновником, но постепенно дорос до должностей более ответственных. А когда развалился Советский Союз, мамин дядя стал организовывать гастролы разных театров за границы. Благодаря ему актеры и актрисы, которые после развала Союза вынуждены были таксовать и мыть подъезды, получили возможность выбираться за рубеж, чтобы иностранной публике показывать «Дядю Ваню», «Три сестры», «Ревизора» и прочую классику. Дело Виталия Семеновича процветало. В нулевые он оставил гастролы, потому что его сделали директором какого-то театра.

Мамин дядя никогда не приезжал к нам в гости, хотя мы жили всего в двух часах от Москвы. Мы его тоже не навещали. Подозреваю, потому что нас не звали. Я, признаться, иногда думала, что великий родственник — плод маминого воображения, что она его придумала, чтобы в ее скучной серой жизни появилась какая-то красочка. Но несколько лет назад на телеканале «Культура» мы случайно наткнулись на фильм про театр, в котором директорствовал наш родственник, и там даже было его интервью. Старый, лысый, в круглых очках, в бархатном фиолетовом пиджаке Виталий Семенович рассказывал, какой прекрасный у них театр и как он рад столько лет служить публике именно в нем. Мы застали лишь конец фильма, но мама успела обзвонить всех знакомых, чтобы срочно включили нужный телеканал и увидели ее родственника. Тот фильм словно был

доказательством того, что она не вралась все эти годы и великий Козлов, как она его называла, на самом деле существовал.

— Вот, Фаюш, смотри, какой у нас родственник, — говорила мама после того, как фильм закончился, — гордость! Надо нам к нему в гости съездить, ну или в театр попроситься. Уж, поди, да посадит нас куда-нибудь на галерку, а может, даже и в партер.

Мама тогда действительно позвонила в театр. Правда, энтузиазм ее куда-то подевался. Смущаясь, с большими паузами, она объяснила ответившей ей женщине, кто она такая. Ее соединили с приемной директора, а когда там сказали «алло», мама и вовсе начала заикаться, но все же в какой-то момент собралась и в конце концов робко попросила билеты на спектакль.

— Хочется дочку в Москву вывезти, пусть в театре побывает, — лепетала мама.

Секретарь тогда «зафиксировала информацию» и обещала все передать Виталию Семеновичу. Мама собой была страшно горда. Этим звонком она и мне, и папе словно бы доказала, что да, она племянница Козлова, да, того самого, которого мы час назад видели по телевизору. Никто из нас тогда, в том числе и мама, и не думал, что мы попадем в театр и что вообще Козлову про нас расскажут. Но к всеобщему удивлению, через неделю на мамин мобильный перезвонила девушка, которая представилась администратором театра и сообщила, что Виталий Семенович приглашает нас на премьеру спектакля, поставленного по письмам

Сергея Довлатова своему отцу, что премьера через неделю и что билеты в количестве трех штук будут ждать нас в кассе театра на имя моей мамы.

Я тогда училась на втором курсе в колледже сервиса и легкой промышленности и готовилась к экзаменам. Поездка в Москву была совершенно нехотана, но мама и слышать ничего не хотела. Эта неделя перед премьерой стала одним сплошным безумием. Мама беспрестанно рассказывала всем и каждому, кто и куда нас пригласил. Особенно она гордилась тем, что звонил «сам администратор театра». Мне кажется, что, если бы нам позвонил непосредственно Козлов, она была бы не так этому рада. Маму можно было понять: она работала в столовой всю жизнь, и приглашение в столичный театр было для нее действительно важным событием. Отец поначалу отнесся к этой идее спокойно, но где-то к среде, а спектакль, на премьеру которого нас позвали, должен был состояться в субботу, тоже начал нервничать. Родители спорили, в чем пойдут на премьеру. Мама на следующий же день после звонка из театра помчалась в торговый центр у железнодорожной станции и купила красивый брючный костюм бирюзового цвета и туфли на невысоком каблучке. Папа у меня был обычным среднестатистическим папой, и у него, как и у всех других подобных пап, был один парадно-выходной свитер — серый с ромбами. Но мама тут же его отвергла, и в том же торговом центре был куплен новый кардиган с тремя пуговицами, голубая рубашка, брюки и кроссовки. Мама настаивала

на туфлях, но после недолгих споров отец все же смог убедить маму, что кроссовки он потом носить будет, а вот туфли больше точно не наденет. Остальной его наряд тоже мало годился для повседневной жизни таксиста, которым работал отец, но зато был куплен по принципу «будет, что к дочке на выпускной надеть». Я решила пойти в пиджаке и юбке. Этот костюм я сшила себе на первом курсе. Я училась на закройщицу, и мне нравилось шить. У меня к этому, можно сказать, был талант: костюм получился простым, но элегантным и скрывал все недостатки моей фигуры. За день до премьеры мама покрасила волосы, а папа подстригся.

Начинался спектакль в семь вечера, мы вышли из дома в три. Электричка до Москвы ехала два часа, час мама заложила на то, чтобы добраться до театра, и еще час — чтобы полюбоваться, как будет собираться публика. Всю дорогу родители спорили, нужно ли покупать цветы Козлову. Отец возмущался и говорил, что мы и так много потратили на этот спектакль, мама пыталась доказать, что букет — это отличный способ сказать спасибо своему знаменитому в театральных кругах дяде. Вопрос разрешился на вокзале, когда мы увидели цены на цветы: с дешевыми идти неприлично, а на дорогие у нас не хватило денег. До театра мы добрались не за час, а за двадцать минут и долгое время ходили по улице мимо него. На фасаде здания красовалась афиша: *«Весточки отцу. Премьера. По мотивам писем Сергея Довлатова»*.

— Оль, нам бы узнать, кто такой этот Довлатов. — Отец перевел взгляд с афиши на мать.

— И правда. А то Козлов спросит, а нам и сказать нечего, — мама заволновалась.

Поскольку смартфонов тогда еще не было, и все ходили с кнопочными мобильными телефонами, то за информацией мы обратились к маминему бухгалтеру. Он, как и все мамыны коллеги, знал, куда мы поехали, и когда мама объяснила, зачем звонит, тут же зашел в интернет, чтобы ответить на все наши вопросы относительно таинственного Довлатова.

— Сергей Донатович Довлатов, российский писатель и журналист, — диктовал мамин коллега прокурренным голосом. А мы, склонившись над телефоном, слушали его по громкой связи. — Родился в Уфе, столице Башкирской АССР 3 сентября 1943 года.

— Значит, писатель, — мама поджала губы и посмотрела куда-то вдаль, словно разгадывала ребус, — ну да, понятно теперь... А что еще там пишут, Андрей Валерич?

— Значит, смотрите. В шестидесятых служил в армии в системе охраны исправительно-трудовых лагерей на севере Коми АССР.

— Это значит, эков охранял, Фаюш, — шепотом пояснил мне отец.

— Андрей Валерич, а про письма отцу там что-то есть? — Мама посмотрела на часы приближался час премьеры, и нам уже надо было идти в кассы за оставленными билетами. Мы еще ближе придвинули наши головы к телефону и слушали, как Андрей Валерич тарабанит пальцами по клавиатуре.

— Вот, есть. Слушайте, — он откашлялся. — Находясь в армии, Довлатов писал письма отцу: в них он описывал быт советского солдата, а также посылал отцу свои стихи, — читал бухгалтер строчки из интернета. — Вы меня слышите?

— Да! — громко сказали мы.

— Так, а чего он отцу там писал-то ... — снова слышались звуки клавиатуры. — Вот, слушайте, — Андрей Валерич снова откашлялся. — Дорогой Донат, — далее связь испортилась, и голос маминого коллеги забурлил, словно кто-то был против того, что он читает чьи-то письма. — Если ты будешь посылать посылку к Новому году или вообще, то всунь туда зубную щетку. У меня вся она оплешивела, а здесь их нет, — вырвалось из динамика телефона. — А еще тут куча каких-то стихов. Читать?

— Нет, спасибо, Андрей Валерич, — сказала мама и нажала красную клавишу на телефоне.

Отец выпрямился и посмотрел на маму.

— Ну? — спросил папа.

— Что ну?

— Ну, поняла что-нибудь? Тебе с Козловым говорить, не нам ведь.

Мамин телефон начал играть мелодию из сериала «Бригада»: звонил Андрей Валерьевич.

— Алло, Андр В...л...р...в...ч, — мама проглотила имя-отчество бухгалтера, как делала всегда, когда нервничала. — Так, поняла, эмигрировал, запомнила, чемодан, ага, зона. Да. Нет, да, хорошо. Ком... чего? Ах да, поняла. Компромисс. Просто связь плохая. Нет,

киевскую котлету из меню вывели в прошлом месяце. Да, обидно. Всего доброго, Андрвлрвч.

— Ну? — Отец снова смотрел на мать в ожидании какой-то информации.

— Гну! — рявкнула она. — Приехали на спектакль, а сами не знаем ничего про этого Довлатова, а он вон, оказывается, какой известный.

— Да был бы известный, мы бы знали, — возразил отец. — Телевизор каждый день смотрим, и что-то ни слова про Довлатова. Значит, не такой уж и известный. А, Фаюш?

Отец подмигнул мне. Но я к этому моменту тоже нервничала. У театра стали останавливаться машины, из которых выходили люди, как и мы, приехавшие на премьеру. Мы всей семьей стали заметно переживать, но больше всех мама. Она стала поправлять жакет, затем волосы. Отец, который имел от природы широкие плечи и гордую осанку, вдруг как будто сдулся, сгорбился и словно хотел стать незаметным. Когда мы шли к двери с надписью «Касса», я старалась спрятаться за родителями. За маленьким окном в стене, словно кукушка в часах на даче у бабушки, сидела женщина с фиолетовыми волосами.

— Билетов нет, — сказала она, не поднимая глаз.

— Для нас оставлено... — негромко сказала мама.

— Кем? — все так же не глядя на нас, спросила женщина.

— Ад... администратором, — мамин голос исчезал с каждым сказанным словом.

— На фамилию? — И снова нас не удостоили взглядом.

— Пеговы, — громко сказал отец, видимо, поняв, что мать уже не в состоянии что-то выговорить.

— На Пеговых нет ничего. — Женщина наконец-то подняла на нас глаза, чтобы окончательно убить в матери остатки решительности.

Мы отошли к стене и не понимали, что делать. Самый расстроенный вид был у мамы, а отец как будто даже обрадовался. Мне от новости, что билетов для нас нет, тоже стало немного легче. До этого я была в театре один раз, на новогоднем представлении в детстве. Дед Мороз тогда полтора часа искал украденные Бабой Ягой подарки, помогали ему зайчики, лисички и Снегурочка. Мне тогда спектакль не понравился. Снегурочка все время забывала слова, а Дед Мороз не выговаривал половины фраз, и белочка была вынуждена повторять за ним его реплики громко, членораздельно, чтобы все понимали, что бубнит Дед Мороз из-под своей бороды.

— Подождите! — вдруг сказала мама. — Он же знать не знает, что мы Пеговы.

Она снова подошла к окошечку.

— Посмотрите на фамилию Козлова, — сказала она четко и громко.

Последовала короткая пауза, затем из дыры в стене появилась рука, в которой было три билета. Мама радостно ими замахала, и мы направились ко входу в театр.

Пока стояли в очереди к человеку, который проверял билеты, мама все время что-то на себе поправ-

ляла. Она то застегивала жакет, то снова расстегивала, то убирала волосы за ухо, то, наоборот, делала, как было до этого.

— Да что ты так переживаешь, — не выдержал отец. — Кто тебя там на галерке увидит?

Маме от его слов стало как будто бы легче, и суета по приведению себя в порядок прекратилась.

Публика, собравшаяся на премьеру, была самая разнообразная: от молодых людей в растянутых свитерах, в засаленных джинсах с вытянутыми коленками до почтенных дам в длинных платьях и их кавалеров в костюмах. Мы, слава богу, в этой массе людей никак не выделялись, выглядели прилично. И папе, и маме шло все, во что они были одеты. Я же себе не нравилась, но это было мое обычное состояние. Я с этим чувством неудовлетворенности собой родилась и свыклась, оно было от меня неотделимо, а потому я даже не пыталась оценить, хуже или лучше я одета относительно других зрителей, пришедших в тот день в театр.

Прозвенел первый звонок, но никто не спешил в зрительный зал. Все толпились в холле и о чем-то говорили. Мама периодически окидывала толпу взглядом на случай, не появится ли среди собравшихся ее дядя. По ее виду я не могла понять, хотела ли она, чтобы он пришел, или, наоборот, желала, чтобы он не объявлялся.

После второго звонка зрители потянулись в зал, мы решили, что и нам пора найти свои места. Мы подошли к женщине в бордовом жилете и показали ей билеты.

— Вам сюда, — сказала она и отступила в сторону. Над дверью, которую она охраняла, было написано «партер».

— Вы уверены? — удивилась мама.

— Я? — женщину словно смутил этот вопрос. — Конечно, я уверена. У вас первый ряд, места десять, одиннадцать и двенадцать. Проходите вниз по проходу, ваши места справа.

Мама по залу не шла, а парила. Ей было страшно приятно, что дядя, которого она в последний раз воочию видела двадцать лет назад, про нее не забыл и на премьере в театре выделил ей, ее дочери и ее мужу самые лучшие места в первом ряду. Когда мы сели в свои кресла, зрительный зал был почти пустой.

Мама крутилась между мной и папой, распираемая счастьем. Торжественность момента испортил отец, он наклонился к матери и зашептал так, что слышно было на весь зал:

— Письма у этого Довлатова были какие-то скучные. Про зубные щетки. Я хоть и не писатель и журналист, и то из армии письма отцу поинтереснее пис...

Договорить отец не успел, мать одним коротким, но говорящим взглядом лишила его дара речи. Она была словно повзрослевшая Гермiona Грейнджер, которая в мире маглов нет-нет да и пользовалась навыками, приобретенными в Хогвартсе. Этот трюк мама проделывала регулярно, когда хотела заткнуть мужа. На меня, к слову, этот ее красноречивый взгляд не действовал. К третьему звонку зал заполнился, свет погас, и приятный голос попросил нас выключить.

чить звук на телефоне. Я покосилась на родителей, они были словно школьники. Папа сидел с прямой спиной, положив руки на колени, мама вся подалась вперед, запихав ноги в туфлях куда-то далеко под сиденье. Я выглядела наименее напряженно, скрестив руки на груди, стала ждать начала спектакля.

Все, что происходило далее, я ни тогда, ни сейчас описать не могу. Действо на сцене увлекло всех с первых минут. Даже мы, непривыкшая к театральным премьерам публика, были поражены в самое сердце. Актер, игравший Довлатова, был красив и очень талантлив. Я никогда его прежде не видела, но к середине спектакля стала его преданной поклонницей. Он, в отличие от Деда Мороза и Снегурочки из детских спектаклей, слов не забывал и играл так убедительно, что даже отец увлекся происходящим на сцене, откинулся на спинку, вытянул ноги и громко смеялся там, где было смешно. Мама позы не меняла, но я видела, что и ей спектакль нравится.

Декорации были скромными. На сцене стояли стол, за которым на табуретке сидел главный герой. Он писал письма, текст которых мы видели на экране за его спиной. Когда Довлатов писал стихи, нам показывали просто строчки. Когда же он описывал что-то из солдатской жизни, это разыгрывалось в правом углу сцены. Ответы отца Довлатова звучали из динамиков, и в этот момент свет на сцене становился совсем тусклым. И только яркий луч высвечивал героя, который сидел за столом. Когда спектакль закончился, мы вскочили первыми: увиденное на-

столько нас поразило и напитало энергией, что дальше сидеть не было сил. Мы хлопали, не жалея ладоней, и вместе с нами аплодировал весь зал. Публика не отпускала актеров, кажется, целую вечность. Слово «браво» звучало десятки раз. Я и мама почему-то утирали слезы, а отец громко свистел, и здесь этот свист был уместен. Козлов появился рядом с нами совершенно внезапно, когда мы, уставшие хлопать, уже собирались пойти ко входу. Он вынырнул откуда-то из-за кулис и подошел к маме.

— Ольга! — позвал он ее. Мы все оглянулись.

Козлов сильно постарел и выглядел сильно хуже, чем в том фильме, в котором мы его видели.

— Виталий Семенович, — мама застыла в неловой позе, словно не понимая, уместно ли обняться. Но дядя первым обнял ее и похлопал по спине.

— Виталий. — Выпустив маму из объятий, Козлов протянул руку отцу.

— Сергей. — Отец так крепко сжал ладонь маминого родственника, что тот немного поморщился.

— А это моя дочь Фаина, — улыбнулась мама и положила мне руку на плечо.

— Какая вы красивая, юная леди, вам бы в актрисы.

Я слегка смутилась и, как мне кажется, покраснела. Это была чистейшая лесть: я была совсем не красавица и в актрисы бы не годилась.

— Спасибо вам большое, что дали нам билеты на этот чудесный спектакль, — мама склонила голову. Этот жест говорил, что она честна и говорит от чистого сердца.

— Ей богу, смешно-то как было. Вот уж не думал, что так мне тут у вас понравится, — отец говорил так, как ему совсем не свойственно, словно он заразился от актеров их манерой речи.

— Ну, а вам понравилось? — Козлов вопросительно посмотрел на меня. — Толик как хорошо, а?

Я сделала непонимающий вид, и Виталий Семенович пояснил:

— Ну, Анатолий, Анатолий Болотов, который Сережу играл.

— А, да... — я начала подбирать слова, — он очень талантливый.

— Я вас познакомлю.

На этих словах Козлов достал телефон и стал звонить.

— Толик, а ну... спустись в зал, дело есть.

Через минуту из-за кулис показалась голова так полюбившегося мне за время спектакля актера. Он прищурился, словно плохо видел, затем увидел Виталия Семеновича, разулыбался и побежал к нам. За это время он успел переодеться в спортивный костюм, волосы были мокрыми: то ли он вспотел за время спектакля, то ли уже успел принять душ.

— Толик, это мои родственники: Оля, — он указал на маму, — Сергей, — он кивнул в сторону отца, и...

— И Фаина, — сказала я.

— М-м-м, Фаина! — отреагировал Анатолий, и тут же мне разонравился.

Дальнейший разговор я уже не помню, но мама и папа по очереди восхищались и спектаклем, и Дов-

латовым, и Анатолием, благодарили Козлова за оказанную честь, затем они обменялись телефонами и договорились чаще видеться.

Но в следующий раз Михаила Семеновича мы увидели много лет спустя, когда он умирал от онкологии у себя в квартире. Как оказалось, после двух браков, успешной карьеры в театре и при многочисленных друзьях ухаживать за ним было некому, и та самая администратор, через которую нам когда-то достались билеты, сообщила нам, что Виталий Семенович плох, и было бы хорошо, чтобы кто-то из родственников за ним приглядел. Мы с мамой поехали в Москву вечером того же дня. Козлов был тенью себя прежнего. Рак съел его до неузнаваемости. Скелет, обтянутый желтой кожей в коричневых пятнах. Глаза провалились так глубоко в череп, что зрачков почти не было видно. В тот вечер он встал, кажется, в последний раз, чтобы открыть нам дверь. Больше с кровати он не поднимался. Мама взяла на работе отпуск и посвятила его уходу за дядей. Мы с папой в это время жили вдвоем, каждый день созваниваясь с матерью. Козлов прожил три недели и тихо умер во сне, когда ему было восемьдесят восемь. Затем последовали пышные похороны, которые организовал театр. Гроб с дядей стоял в центре холла, проститься с ним пришлось огромное количество людей. Папа шепотом сообщил мне, что каждого второго видел по телевизору.

После похорон мы унаследовали квартиру Козлова. Как это произошло, я не знаю, но примерно через неделю после похорон мама радостно сообщила

мне и папе, что теперь мы можем стать москвичами. Новость эта, однако, особой радости ни у кого не вызвала: отец категорически отказался куда-то переезжать.

— Ты что, мать, я тут родился и вырос, тут пацаны, — так он называл своих друзей, — тут работа, тут дом, — на этих словах отец раскинул руки и окинул взглядом нашу скромную квартиру. — Какая нам Москва?

Мама спорила с ним весь вечер, а утром, спустя многочасовые ночные раздумья, решила, что и ей в Москву не так уж и хочется.

— А вот тебе, дочка, наверное, надо будет переехать.

Я к тому времени уже много лет работала в ателье по ремонту одежды и ехать никуда не собиралась, но мать было не отговорить.

— Квартиру, — говорила она, — сейчас не сдать. Там все в картинах, книгах да статуэтках. Не дай бог, испортят. Надо сначала понять, что там дорогое, а что дешевое. А во-вторых, — продолжила мама, — попробуй-ка пожить одна, а то тебе уж четвертый десяток, а ты все с нами.

Мне было тридцать два, слова матери звучали немножко обидно. Но в глубине души вдруг зародилась мысль, которая стала пульсировать сначала робко, а потом все смелее и громче. И мысль эта была в том, что, может быть, мне и правда стоит попробовать что-то поменять в жизни, которая была до невозможности скучной.

Через несколько недель, после новости о полученном наследстве, я въехала в квартиру маминого дяди. Я так и не разобралась, кем он мне приходился в родственной иерархии. Работу мне в Москве тоже нашли достаточно быстро. И вот так началась моя столичная жизнь. Я была тридцатидвухлетней обладательницей квартиры в центре Москвы, с видом на Садовое кольцо, в двух минутах от станции метро Маяковская. Новое жилье мое было увешано картинами, заставлено вазами, скульптурами, статуэтками, и в центре всего этого была я — Фаина Пегова. По образованию закройщица, а по профессии — уборщица. Наверное, призрак Козлова, блуждающий по своей квартире, в эту минуту смотрел на меня и думал: «Каков диссонанс!»

ГЛАВА 2

Дедушка. Я решила называть Козлова дедушкой, а всем, кто будет спрашивать, кто я ему, буду говорить, что внучка. Если совсем по правде, я Виталию Семеновичу внучатая племянница, но что-то я ни разу не слышала, чтобы кто-то про себя так говорил. Хотя в доме, где я теперь жила, это словосочетание было вполне уместно. Тут что ни сосед, то какая-то выдающаяся личность, ну или потомок выдающейся личности: композиторы, художники, хореографы и я — уборщица. О том, что в доме живет «творческая интеллигенция», мне сообщила Вера: она тоже кон-